

Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСИВАЯ РАБОТА

Митинг в деревне.

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

№ 39. Июнь. 1921 г.

Москва.

I.

 ам Грозный, острым наконечником
По плитам каменным звеня,
Ходил наряженный опричником,
Расправу лютую чиня.
Или в монашьем шлыке с четками,
Устав от оргий и крамол,
В соборах бил поклоны четкие
Упрямым лбом о влажный пол.
Там думный дяк рычал приказами,
И колокольный рыскал зык,
Когда над плахой никнул связанный
Секиры ждавший бунтовщик.
Там Петр реляциями строгими
Под гневный ропот брил бояр,
И кровью, дыбой и острогами
Стрелецкий заливал пожар.

А по дорогам нищей-странницей
И юродива и темна
Бродила Русь бездомной пьяницей,
Шатаясь с горя и вина.
И кабаки и храмы высились
Над ржавою соломой крыш,
Да силуэты черных виселиц
Как призраки тянулись в высь.
И так Россия околдованной
В мучительных томилась снах,
И на спине исполосованной
Судьба качалась в стременах.
Пока Октябрь, взметнув жар-птицею,
Расправил мышцы мощных крыл,
И всадник рыжей кобылицею
В века Историю вздыбил.

II.

Все тот же Кремль зелено-башенный,
Проходов узких полумрак,
Но кровью жертвенной окрашенный,
Над Совнаркомом бьется флаг.
И далеко, над Русью вспененной,
Набатных революций зов,—
Звучит в декретах голос Ленина
Сильней, чем сорок сороков.
На острия бессонных радио
Стальные вешая слова,
Материков границы сгладила
Освобожденная Москва.
И там, где сердце пролетария
Великим гневом зажжен,
Кипит и мечет искры ярые
Революционное вино!

Бомбей, Чикаго, Лондон, Токио,
Сбивая звенья ржавых пуг,
Бурливо-вешними потоками
В русло железное текут.
И отмечая путь их огненный,
Из-за кремлевских шпелых стен
Собирает тучи с громом-молнией
Штаб революций—Коминтерн!
Отныне надвое расколота
Вращающаяся земля—
Кто за Москву под знаком Молота,
Кто против Красного Кремля.
Кто перевесит Знамя Алое
На исторических весах?
Поют Интернационала
Гимн боевой на полюсах!

И Хохлов.

БЕЗ БОГА

РАССКАЗ А. ЗАПОЛЬСКАГО

Бьют волны белыми языками о почерневшие, изъеденные червями сваи: визжат скрюченные в досках гвозди, а грузная ржавая цепь, свешивающаяся к воде, с лязгом дряхлется о бревна. Дует ветер, упорный, бесконечный. Разговаривать трудно: дышать не дает — все слова в сторону относит. Старик Евтихий еле осиливает его, — за косяк двери своей сторожки держится.

— Что чинишь, Григорий? Погодка плохая — не для ловли.

— Знаю, старик.

Григорий верхом на весле сидит — поперек лопасти жестяную пластинку набивает.

— Еловые?

— Еловые, старик.

— Чего ты, старик да старик?

— А то разве не так? Молод еще?

— Так-то так, а вот ты у меня разуму наберись. Глуп ты больно...

— Вот так штука!

Григорий языком шелкает.

— Чему же ты меня научишь?

— Чему?

Евтихий сдвигает нависшие седые брови.

— Молодой и безусый, а от бога отрекся.

— Ха-ха! А бог мне на что? — разве он мне кушать дает?

— Эй, ты, молчи!

Рвет ветер дверь, скрипит она в петлях: Евтихий на месте пошатывается — волосы его нерасчесанные космами на лоб падают. А Григорий сидит, не шелохнувшись, бьет, но стuka не слышно.

— Брось, Евтихий, у меня весла треснувшие, а шаланда течет вся, — это я в бога верил...

С грохотом волна разбивается, а брызги ее разлетаются во все стороны, осыпают лицо, попадают на губы, соленые...

— А ты на море гляди, Григорий, я его пятьдесят лет знаю — оно в себе бога носит... Вот... Ивана Лоука помню — тебе его не знать: давно это было.

Так вот он тоже вдруг безбожником стал — только не то, что как ты: он про коммунистов и не знал вовсе, а так проклинать стал всех и бога хулил. Оно верно: бедняк уж был — некуда больше!.. А поехал за треской... и не вернулся. Так и не искали его — боялись все...

Высоко волна поди лась — языком доски лизнула, а цепь ударила сильно, со стоном. Все в белых венчиках свинцовое море. Слышно, меж сваями сталкиваются волны, отпрыгивают, подхватываются новой сменой и опять схватываются в молчаливой борьбе.

Бьет Григорий молотком по пластинке, а на море глядит исподлобья, с опаской...

— Ничего, старик, а мы с морем сговориться попробуем... Как думаешь?

— Молчи ты — с тобой и говорить страшно. Вишь! разыгралось как! Ты гляди!

Под рубаху Григорию ветер забрался, надул ее, серую, проптанную солью, парусом.

— Слушай Евтихий... А мы с морем сговоримся... А? как ты думаешь?

Появилась скумбрия — неожиданно, будто на голову с неба свалилась: вот уж год, как ушла она, и все так и примирились с этим. И вдруг пришла стаями огромными, необычными. И от берега за ней далеко ехать не надобно: верст 10—12, не больше.

Во всем поселке трубы задымилась, в один час, сразу, а на берегу рыбаки засновали, засеу-

тились. Щели паклей забивают, просмаливают, воду из шаланд вычерпывают, уключины подбравают... Ходят быстро, будто в крови огня прибавилось, но серьезные, озабоченные. А перекликаются громко, спокойно.

Толкаются, бегут, кричат девчонки с приподнятыми юбками, мальчишки белобрысые, с масушенными штанами до самого паха.

Завтра, так завтра, чего ждать-то? И никто поспорить не попробовал. Раьше—лучше. Возьмет да уйдет подальше куда-нибудь...

Григорий с самого вечера со своей шаландой провозился: в одном месте поправит, ан, плады, в другое—доска отстает. И так все время. Только когда песок из белого серым стал, Григорий голову поднял и огляделся...

Молчи ты, с тобой и говорить страшно.

Никого кругом не было: только шаланды в один ряд выстроились; носы они к небу подняли, а красно-синими боками в песок зарылись. И совсем близко возле них плескалось море...

Эй! ты, сердитое!

Дали стуженные, лиловые, широко полукругом раскинулись.

Чушь Евтихий гордил...

А море идет на него, все огромное, серое... Дух от страха захватывает. Ветер холодный свистит, заливаясь, а впереди его волны бегут, расшумевшись, пуляво в сторону смотрит...

Какой же бог в тебе? Или нет?

Тревожно в шум вслушивается, угловато поводит плечом, вытянув голову.

— Значит, съест? уничтожишь?

Жметса от холода; в красном огне маяка ответа никак не прочесть...

И робко бормочет:

— Эй, ты, сердитое!..

Чуть-чуть сереть стало, а на берегу уже собрались все... Море спокойное, гладкое.

Лица у всех темно-коричневые. А в движеньях только сила есть, нет жизни еще.

Возле шаланд—женщины.

— Григорий, голубчик ты мой, родненький—у тебя мать-старуха: одна ты ее, бедную, кормишь...

Возле Григория старушенка согбенная в сером платке клетчатом.

— Что ты, мать, хочешь?

Григорий шаланду на воду спускает: серые брюки по колено мокрые. Медленно ползет шаланда, нехота в воду лезет. Руки—стальные брусья, мышцы—шары упругие, а лицо кровью налилось, на лбу зенки надулись синими червяками.

— Голубчик, останусь одна—большое горе на плечах носить. Бога не гниви...

Голос дряхлый, тайной скорью пропитанный

— Люди сказывали, что ты и крестика не носишь...

Только не верю я—где рыбаку в море без крестика пускаться?..

Тусклым серебром вода отливает—дениво омывают набегавшие волны мертвых бычков, выброшенных морем на берег.

Отделившись от песка, закачалась на воде шаланда...

— Эх, матушка...

Григорий к матери оборачивается, а она к нему вся тянется. В дрожащих руках крестик на шнурке держит...

Одень, родненький... старенький он, а покойника, твоего отца, всегда от всех бед на море избавлял...

Вадрогнул Григорий...

— Не нужно...

Толкаются, бегут, кричат...

Поморщился, рукой оттолкнул.

— Отстань..

А у старушки лицо комочком собралось и часто, часто запрыгал подбородок.

И повернулась тихонько, в платке спряталась...

Григорий исподлобья посмотрел.

Вдруг встрепенулся весь.

— Ну чего ты? Оставь, матушка...

Он подходит к ней близко, мокрой рукой обнимает, старается в лицо заглянуть.

В дрожащих рунах крестик дернит...

И молчит... Тянет что-то внутри, но язык не шевелится...

— Матушка...

В сером платке дрожит голова, раздувает поблекшую синюю юбку утренний ветер, покачивает чуйки рваные...

— Матушка...

Евтихий в сторонке стоит полусогнутым, закорулым пальцем грозит:

— Эй, ты, смотри—... и... и!

К вечеру налетел шквал, зачернил небо, вспучил море. И выпустив белые когти помчались волны, опрокидывая друг на друга.

Вздымались кверху, срывались в бездну, грехотали.

Все в буро-синей мути.

Свистел свирепе ветер, рвал тучи, зарывался в воду.

И лизали длинные змеиные языки низкое небо..

Грузно гремела железная цепь у моста, билась с неистовой силой, будто хотела вырваться.

А на берегу посерели, покорно замолкли хаты.

В тускло-освещенных углах, внутри, сидели угрюмо и молчали.

Только плакали маленькие дети.

Минутами крестились, шептали неслышно бедными губами.

Обнялась ночь с бурей, слилась в одну бужующую бездну.

И ничему не было ни начала, ни конца...

Станало уставшее море. Красный свет маяка дрожал и метался: каждое мгновение прятало в нем свои стрихи...

Тревожно с тяжелыми снами, спали в посылке...

Дня через три стали постепенно возвращаться рыбаки.

Солнце выползло из-за первого облака, а по бледной синеве вод побежали золотые дорожки. И далеко по ним рассыпались негаснущие искры.

Нежилась море.

И вдруг зачернели вдали неуклюжие точки, задвигались медленно, чуть заметно...

В один миг собралось все на берегу.

Вышел на мост и Евтихий, а возле него рыбаки столпились. Морщится он, то солнца рукой закрывается...

— Лучистое какое!.. Эх, бабы, бабы!..

Ну чего глазеть? Пошли бы дело делать... Ведь без вас приедут—им не поможете...

Лениво ворчит Евтихий: ему-то все равно...

— Фу, ты... бабе одно... и кому нужно?..

Должно мой! Ну, да, мой! В каргуже белом, а на корме малой сидит...

— И... и... х! пошла! И откуда ты каргужу видишь? Глупая!..

— А, гляди, блестит... Во...о..на!..

Солнце плетет из лучей на лицах узоры, а в глазах маленькими солнышками прячется...

Мчитя стаей по воде рабь игривая, со светлой улыбкой белые ракушки на берегу целует.

В бледно-голубой краске сливается море с небом...

А корзины полны рыбой..

Едет в шаланде своей Григорий—мерно
лом гребет. А корзины полны рыбой...

— Эй! Евтихий!

Плещется у носа вода, похлестывает.

— Что? Смотри!..

Евтихий взглядывается, а брови насупил...

— Сказывал тебе... А рыбы сколько!

— Проезжай, проезжай! На тебе сам чорт
у сломает...

— Ха-ха... Чего сердиться? Все спокойно,
ты сердиться... Ведь теперь море со мной:
ммууу признало...

Евтихий с кулаками к перилам подбегает,
г-вот в воду бросится...

— Признало... признало...

Ослепительной лентой режет смуглое лицо
ряд белых зубов, ровных, острых... Григорий
на Евтихия в упор смотрит; шаланда его
медленно мимо моста проплывает, близко
рукой подать.

— Ах, ты!..

— Три дня назад спорил я с ним, с морем...
и вот, смотри, уговорил: теперь вам бояться
надо...

— Чертов сын! безбожник!

— Ха-ха-ха... со мной! теперь со мной
за одно! В мягкости воды зеркал ной лопасти
весел ныряют; серебром отлывает чешуя
рыб уснувших...

Молчит море...

Д. Запольский

На часах.

На башне форта, на часах
Колеблю ночь штыком!
И гордо реет рдяный стяг
Над взорванным дворцом.

Там, позади, в далеких пашнях,
Звеня, купается соха.
И даже здесь, на диких башнях,
Труда я песню услышал.

Соха, коса, лугов разводы,
Поля и ржи и конопли,
И в дыме пламенных заводов
Испытанные ковали,

И горнов жар и шорох лесл,
И провода и рычаги,
И тихий плеск родного плеса
И солнца тыл и вой пурги.

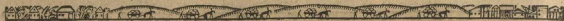
Я жизни чувствую биенье...
И выше, шире дышит грудь...
Расти Советское строенье,
Дворцов былого выше будь!

Я зорек—сторожем труда я,
Штык ошетирил на врага
И от Амура до Дуная
Бушует красный ураган.

Пусть враг плещет свинцом и бранью,
Пусть возмущен паучий род.
Над головой их стяг восстаний
Чертит угрюмый небосвод.

Роман.

Наш путь.

Наша сила в нашем союзе.

Союз на боевом фронте.

Ила нашей трудовой советской республики—в тесном братском союзе рабочих и крестьян.

В феврале 1917 г. рабочие и крестьяне вместе свалили правительство кровавого Николая, в октябре они дружными усилиями порешили буржуазно-соглашательскую коалицию и потом так же дружно пошли против белых генералов, поднявших восстание на Дону, на Урале, на Украине и в Сибири.

Когда в 1918 г. на помощь русским белогвардейцам пришли заграничные империалисты, борьба стала во много раз труднее. Но и в этой борьбе рабочие и крестьяне Советской России доказали, как силен трудовой народ, когда он действует единодушно, когда рабочий помогает крестьянину, а крестьянин рабочему.

Враги шли на Советскую республику целыми армиями и чтобы отбиться от этих белых армий, Советская власть создала свою красную армию, армию рабочих и крестьян.

Три года на десятках фронтов, на полях и в горах, в снегах и в песках, в мороз и в зной бился сын трудового народа—красноармеец и свою гигантскую борьбу завершил великой победой: он выгнал заграничных империалистов из Советской России и разбил контрреволюцию внутри страны. Он добыл мир нашей трудовой стране.

У нас уж нет боевых фронтов, не гремят больше выстрелы на наших границах.

Красная армия совершила чудо. Но не бог дал ей силу его совершить. Эту силу дал ему крепкий, нерасторгимый братский союз рабочего и крестьянина.

Все враги рабочих и крестьян—царские генералы и чиновники, помещики, капиталисты, попы, купцы, кулаки и интеллигенты из тех, которых буржуазия задарила подачками и вышколила себе на потребу, понимали хорошо, в чем сила Советской республики, и, нападав на рабочих и крестьян извне, расстреливая их, тех и других из английских и французских пушек, они в то же время старались изнутри разрушить их союз, натравить крестьянина на рабочего и рабочего—на крестьянина: они убеждали крестьян не идти в Красную армию, не выполнять нарядов и повинностей для государства, не давать городу хлеба, а рабочих в городах подговаривали бастовать и требовать больше хлеба.

Но это им не удалось. Правда, случалось не раз, обитые с толку врагами народа, крестьяне поднимались против Советской власти, бывали случаи, что и рабочие в тяжелые годовые моменты волновались и бросали работу.

Но кровавые уроки Колчака, Краснова, Скоропадского, Деникина, Юденича и Врангеля вразумили самых темных из темных.

Теперь каждый рабочий и крестьянин понимает, что, идя против Советской власти, он идет против самого себя.

Под ударами врагов не распался, а стал еще крепче, теснее союз рабочих и крестьян.

Союз на трудовом пути.

Теперь война окончена; надолго или нет—мы не знаем. Мы всегда должны быть готовы к худшему. Но пока длится мир, мы должны использовать его, чтобы залечить раны, нане-

Так есть

сенные войной. А сколько этих ран на теле Советской России! И в деревне, и в городе, и на железных дорогах, и на фабриках, и в рудниках,—езде дает себя знать страшная губительная наследница войны—разруха.

На нее должны мы повести такую же дружную и решительную атаку, какую мы вели на окопы белых генералов.

С какого же конца начинать нам эту новую войну? Ясно—со всех концов: и в деревне, и в городе, и на железной дороге, и на реках, и в лесах, и в шахтах, и на заводах.

Но какой из этих трудовых фронтов самый важный, куда бросить нам наши главные силы? И это ясно: в деревню.

Наша страна крестьянская. Земледелие—основа нашего хозяйства. Восстановить земледелие—это значит воскресить больше половины нашей страны. Пока хромает наше сельское хозяйство, не можем мы наладить и нашей промышленности. Если крестьянин не сумеет накормить рабочего хлебом, не сможет рабочий одеть, обуть крестьянина и дать ему все что нужно и в доме и в хозяйстве.

Во время войны главной нашей опорой была Красная армия; она на фронте защищала наши земли и фабрики от врагов трудового народа. Вот почему и приходилось крестьянству и рабочим нести большие жертвы и тяготы—приходилось подчас голодать и сидеть без обуви и одежды, лишь бы Красная армия—наша защитница—была сыта, одета и обута.

Но теперь в мирное время главной опорой страны стала уж не армия боевая, а трудовая сила советской республики, большую часть которой составляет крестьянство.

Вот почему, как только окончилась война, Советская власть все силы свои направила на то, чтобы помочь крестьянству. Она сейчас же отпустила домой красноармейцев старших возрастов, чтобы у деревни к весне были рабочие руки, организовала техническую помощь деревне, провела по всей стране посевную кампанию и, наконец, заменила тягостную, но

необходимую во время войны разверстку налогом. Крестьянству теперь стало легче обернуться в своем хозяйстве и ему выгодно теперь засеять больше земли, чтобы путем свободного товарообмена получать из города больше фабричного товара.

Мало того; чем больше будет крепнуть наша промышленность, тем больше будет у города товаров для обмена с деревней. Наша торговля с иностранными странами, которую мы уже начали, еще больше увеличит запас товаров в городе. Значит, чем дальше—тем меньше будет надобность в налоге, тем меньше будет и самый налог. Когда же у города окажется товаров столько, что одним свободным товарообменом с деревней он сумеет себя прокормить—не нужно уж будет никакого налога. Останется один свободный товарообмен.

При свободном товарообмене, при взаимной поддержке города и деревни, окревет скоро наше крестьянство. За ним окревет и рабочий класс и вся наша трудовая республика.

Вот тот путь, по которому мы должны идти, чтобы победить на трудовом фронте, так же, как победили на боевом, чтобы покончить с разрухой так же, как мы покончили с белыми генералами.

Этот путь—тесный дружный союз рабочего и крестьянина и взаимная братская помощь как в борьбе, так и в труде.

Но не грозят ли нам еще какие-нибудь опасности на нашем пути?

Разбиты ли окончательно наши враги?

Не поднимутся ли они снова?

Сила наших врагов разбита, но они все еще сильны своею хитростью, а мы слабы своей темнотой.

И на трудовом фронте так же, как и на боевом у врагов наших—буржуа и соглашателей политика одна: подорвать наш союз, разложить наши трудовые ряды, помешать рабочему и крестьянину работать вместе так же, как мешали они им вместе воевать.

Так должно быть.

Буржуи и соглашатели знали хорошо, что конец войны еще не конец всем нашим бедам: не так скоро удастся нам восстановить после войны наше хозяйство. Не даром ведь старались их друзья—Колчаки, Деникины и Врангели, разрушая в захваченных ими наших областях фабрики, взрывая мосты и сжигая хлеб. А тут еще — неурожай прошлого года, засуха и падеж скота... И вот пока не подоспел новый урожай, горючатся эта черно-желтая сволочь бросить свою последнюю ставку — ставку на голод.

Первой ее попыткой был Кронштад. Эта попытка сорвалась. Но враги уже плетут сети новых заговоров, готовят нам новые удары.

Орудует пока меньшая братия — эс-эры и меньшевики.

Эс-эры организуют бандитские шайки в деревне, грабят ссыльные пункты и перехватывают маршрутные поезда. Они убеждают крестьян, что Советская власть продналогом их хочет обмануть: продналог, это, мол, только до урожая, а после урожая — опять разверстка.

Так работают в деревне эс-эры.

А в это время в городе их друзья — меньшевики стараются поднять против Советской власти голодающих рабочих, срывают работу на наших фабриках и всюду, где только можно, мешают нашему мирному строительству.

Эс-эры и меньшевики делают одно и то же дело: они усиливают голод в городе и нужду в деревне, для того, чтобы поднять деревню против города и похоронить союз рабочих и крестьян.

А глядя на их дело — радуется и ждет своего часа третий — буржуй.

Но этот час не придет.

Мы будем тверды и не поддадимся хитрости врага.

Мы преодолеем испытания на трудовом фронте, так же, как преодолели их в бою с врагом.

Мы будем помнить:

Союз нам дал победу в борьбе.

Союз даст нам победу и в труде.

Н. Горлов.

В полях.

Эх, луга да пашни,
А вокруг польнь.
Горький сон вчерашний,
Отцвети и сгниь.
Что обстал кружалом
Дрему зеленой
И полынным жалом
Явишь зори дней?

Что поля — я знаю —
Трудовой народ,
А вокруг без краю
Все польнь растет.

Тоже знаю: вскоре
Выйдут косари
И польнь ли горе
Скосят до зори.

Зацветет веселый
Урожай-ковер,
Разбредутся села
В солнечный простор

И взвоется гордо
Знамя — маков цвет
Там, где правит твердо
Трудовой Совет.

Семен Родов.

Коммунистический Интернационал.

I. Что такое Интернационал?

Слово «интер» значит «между»; «нация» — народ: можно сказать, например, — «русский народ», «русская нация». Стало-быть, слово «интернациональный» значит: международный. Интернационал, это — международное, всемирное объединение, союз трудящихся — против буржуазии и помещиков.

Ежели в твоей избе приключился пожар или иная какая беда, большая беда, опасная, — ты один с ней не справишься. Если соседи махнут рукой, скажут: «пускай себе горит», не помогут, тогда твоему добру крышка. А если соседи сбегутся тебе помогать, да помогут притом не бестолково, а знаячи, да если к тому же во-время подоспеет насос и подвезут воду, — тогда отстоять избу можно.

Так и в борьбе трудящихся с врагами народа. В Венгрии, например, 73 года тому назад была революция. Но она не победила: ее задушили. Почему? Потому что из соседних стран не было поддержки. Наоборот, австрийскому императору удалось вымолить у тогдашнего русского царя, мерзавца и палача, Николая Первого, помощь против революции. И русская армия помогла затопить в крови венгерскую революцию. Несознательные были тогда русские солдаты — крепостные, темные, замордованные.

Или вот Парижская Коммуна: много было причин, отчего она погибла. Но одна из главных причин, это та, что Коммуна была *одиноким островом*: не поддержали ее рабочие других стран. Совсем иное дело — теперь. Советская Россия никогда бы не победила, не выдержала бы

трехлетней войны с самыми сильными буржуазными правительствами всего мира, если бы не было у нас могучего союзника. Он был, этот союзник — трудящиеся всего мира. Они не шли против нас войной, они боролись против этой войны, они постоянно требовали от своих правительств: «перестаньте нападать на Советскую Россию, заключите с ней мир, завяжите с ней торговлю». Да мало ли еще как помогали нам иностранные трудящиеся в этой войне! Каждый красноармеец об этом слышал не раз.

Итак, Интернационал, это — союз трудящихся, ведущих борьбу с буржуазией. В этот союз вступают *партии* разных стран. У каждого класса есть своя партия, то-есть такая организация, в которую входят самые передовые люди этого класса, организация, которая в своей программе, в своих лозунгах, а главное — в своих делах — выражает волю, желания, надежды своего класса и защищает его интересы. У нас в России, партия рабочих и крестьян — коммунисты. Партия кулачья, мещанства, мелких лавочников, интеллигентов — эсеры и меньшевики. Партия крупной буржуазии — кадеты. Партия дворян, помещиков, царских чиновников — монархисты.

В трудовой Интернационал входят такие партии, которые защищают интересы трудящихся. Объединяются они в Интернационал, для того, чтобы трудящиеся всех стран в своей борьбе шли в ногу, друг друга поддерживали. Интернационал должен быть боевым штабом трудящихся в их борьбе против врага.

Но всегда ли Интернационал был действительно таким штабом? Нет, не всегда.

Какие были Интернационалы до Коммунистического.

В 1864 году создался *первый* Интернационал. Одним из главных его основателей был великий учитель наш, Карл Маркс. Но в то время революционное движение в различных странах было еще очень, очень слабо. Ощущью еще шел рабочий класс в борьбе своей, а крестьянство, особенно в России, спало крепким сном.

В I Интернационал вошли только небольшие кучки рабочих, подчас революционеров-одиночек, или маленькие, несильные партии.

Поэтому этот Интернационал не смог повести сколько-нибудь широкой борьбы. И первое же испытание показало его слабость: Парижская Коммуна, образовавшаяся спустя 7 лет после основания I Интернационала, в 1871 году, не была поддержана рабочими других стран. И когда Коммуна погибла, распался и Интернационал.

Второй Интернационал был основан в июле 1889 года, в Париже, на всемирном съезде социалистических партий. За 18 лет, что прошли со времени распада I Интернационала, революционное движение во всех странах сильно подвинулось вперед.

И во время II Интернационала за границей выросли крупные социалистические партии и громадные, могущественные профессиональные союзы. Они добивались от хозяев и правительства разных уступок — улучшения охраны труда, некоторой свободы печати и т. д. В эти годы быстро развивалась в Европе промышленность, капиталисты наживали огромные барыши, кроме того был очень большой спрос на рабочие руки, — так что положение рабочих стало в это время немного лучше прежнего. Но как нет худа без

добра, так нет и добра без худа: увлекшись маленькими успехами, привыкнув к борьбе за маленькие уступочки, социалистические партии отошли от главного: от большой борьбы за власть, от настоящей революционной борьбы, за деревьями проглядели лес. И в то время, как в каждой отдельной стране профсоюзы и социалистические партии разрослись и крепчали, — международные-то связи между ними олабевали. Первый Интернационал был, можно

сказать, союзом передовых вождей, слабых потому, что массы были равнодушны. Второй же Интернационал имел в своем составе очень крупные рабочие организации, но, во-первых, они не были между собой связаны, а, во-вторых, их вожди, привыкшие к мелкой борьбе, привыкшие работать в своих кабинетах или в парламентах, эти вожди к настоящей-то крупной борьбе оказались неспособны.

И первое же крупное испытание показало это. Подошла война 1914 года. Десятки миллионов трудящихся были посланы убивать, калечить друг друга только для того, чтобы маленькая кучка буржуазных бездельников, барышек, спекулянтов, могла нажиться на этой войне. И что же сделал Второй Интернационал. Он *должен* был немедленно призвать трудящихся всех стран к забастовке, к восстанию против войны и ее разжигателей. Он этого не сделал. Но если бы он *ничего* не сделал, то это было бы только бессилием. Однако социалисты из II Интернационала сделали кое-что гораздо худшее, гораздо подлейшее: они не только не восстали против, но они эту войну поддержали!

И получилась дурацкая, жалкая и отвратительная картина, над которой от души смеялась буржуазия. Французские, английские, итальянские социалисты помогали своей бур-

1-2 мая в Москве. Фейерверн

буржуазии вести войну, говоря: «Это святая война, — война против немецкой военщины». Немецкие социалисты вопили: «Это святая война против русского царизма». Русские социалисты, меньшевики и эсеры, истошным голосом кричали: «Это святая война против немецкого империализма».

Трудящиеся стреляли друг в друга. Жирные негодяи на этом наживались.

Так «скончался», в крови трудящихся и в грязи своего предательства, Второй Интернационал.

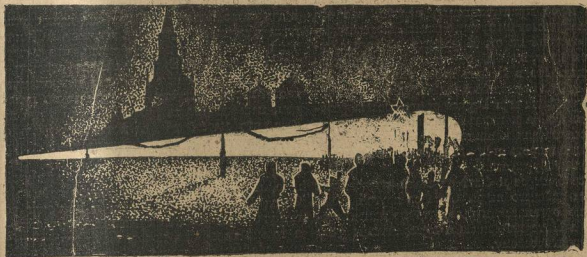
Как создавался Третий Коммунистический Интернационал.

Шла война, лилась кровь, наживались буржуа, изменяли социалисты. За это буржуазия

в этом воззвании указывались настоящие причины войны и обличались социалисты-приемники. Говорилось на этих совещаниях о том, что нужно основать новый, третий Интернационал.

Разъехавшись, эти настоящие социалисты вели у себя дома агитацию против войны, против социалистов-изменников. По мере того, как война затягивалась, и все большего числа трудящихся стали открываться глаза. Русская революция в феврале и октябре 1917 года, германская и австрийская революции осенью 18 года, — эти революции ускорили дело.

В то же время и русские большевики-коммунисты, и сочувствующе им честные социалисты других стран хорошо понимали, что русская революция может продолжаться и победить только в том случае, если за ней последует и

1-е мая, в Москве. Вечером на Красной площади.

и хорошо награждала: во многих странах, например, социалисты стали министрами в буржуазных правительствах.

В это черное время нашлись, однако же, и люди, выступившие против войны. Эти люди выражали волю самых передовых рабочих, возмущенных против войны и против преданных социалистов, ее поддерживавших.

В 1915 году, на второй год войны, и затем в 1916 году, собрались в Швейцарии, в городах Циммервальде и Кингале, представители русских большевиков, итальянских социалистов и небольшой части немецких социалистов (был тут и Либкнехт). Собрались еще представители кое-каких маленьких группок.

На этих совещаниях был выработан манифест к трудящимся всего мира насчет войны. В

мартовской революции, если русских рабочих и крестьян поддержат трудящиеся других стран.

Для совместной борьбы нужен общий план и общее руководство. Поэтому нужно было создать новый Интернационал, который бы объединял всех по-настоящему борющихся, трудящихся, вырабатывал бы способы борьбы и этой борьбой руководил бы.

И вот, в начале марта 1914 года собрался в Москве 1 съезд Коммунистического Интернационала. С этого времени он непрерывно рос и крепчал. Как это происходило, увидим в следующей статье.

Сейчас скажем только, что из небольшого совещания маленьких революционных кучек Коммунистический Интернационал вырос за эти 2 года в могучего, грозного великана.

Г. Бергман.

Третий Съезд Коммунистического Интернационала.

1. Как вырос и окреп Коминтерн.

Пока шла империалистическая война, многие трудящиеся, обманутые буржуазией и ее прислужниками, верили, что эта война принесет им лучшую жизнь. Первым прозрел русский народ. В феврале 17 года сбросил он царя, в октябре — эсэров, кадетов, меньшевиков. Но в Европе война все еще продолжалась. Она кончилась в 1918 году, когда немцы были разбиты и в Германии произошла революция. Война кончилась, и иностранные трудящиеся начали понимать, на чью пользу они проливали кровь и прели и вшивели в окопах: на пользу буржуазии.

Все быстрее и быстрее стали проясняться головы рабочего люда. Одна за другой стали рабочие организации выходить из изменнического 2 Интернационала и примыкать к 3-му коммунистическому.

Притягивала их и та великолепная героическая борьба, которую вели русские трудящиеся под руководством главной партии 3-го Интернационала — Р. К. П.

После 1 съезда (март 1919) Коминтерн вел работу больше всего агитационную. Ко 2 съезду многие социалистические партии уже готовы были примкнуть к Коминтерну, а множество отдельных частей разных партий уже вошло в него.

1 съезд был в то время, когда на нас наступал Колчак и собирается наступать Деникин, когда Россия была окружена блокадой и никто с нами и разговаривать не хотел.

2 съезд заседал уже в совсем другой обстановке. Он собрался в июле прошлого года. С Колчаком, Деникиным, Юденичем было покончено. С некоторыми соседними мелкими странами (Эстония и другие) был подписан мир, с другими велись переговоры. Блокада во многих местах была разорвана.

Оставалась война только на двух фронтах: с белой Польшей и в Крыму.

И на 2 съезде обсуждались уже не только вопросы о том, как бы побольше к себе привлечь сторонников, а о том, на каких условиях принимать желающих вступить в Коминтерн партии. Мы хорошо знали, что теперь, когда Коминтерн и Советская Россия окрепли, — теперь полезут к нам и разные непрошенные гости, гости с душком, с предательским налетом, меньшевистская рухлядь. Рухлядь эта видела, что массы трудящихся отвернулись от 2 и тянутся к 3 Интернационалу, и охотно бы пролезла в него. А пролезши, под прикрытием 3 Интернационала повела бы ту же двойную, и нашим и вашим, игру, что вела во 2. Съезд Коминтерна это учел и поставил задачу: были выработаны условия — 21 условие — и только та партия, которая эти условия примет, обязуется их проводить в жизнь и действительно начнет проводить, — только та могла быть принята в Коминтерн. Эти были такие условия, что принять их и проводить в жизнь — значит быть коммунистом.

Со времени этого съезда прошло около года. Теперь, в июне, собирается 3 съезд. Что же случилось за это время?

Вскоре после 2 съезда произошел раскол в партии немецких меньшевиков — партии «независимцев». Половина их — около полумиллиона человек — объединилась с германской коммунистической партией («спартаковцами») и примкнула к Коминтерну.

Затем произошел раскол во французской социалистической партии. Три четверти ее образовало коммунистическую партию и примкнуло к Коминтерну.

Кроме того, за этот год примкнуло к Коминтерну такое множество различных партий не только в Европе, но и в Америке и других частях света, что их здесь не перечислить.

2. В каких условиях собирается 3 съезд.

В России война кончена. Со всеми соседними странами заключены мирные, торговые и иные договоры. С Германией тоже подписан договор, по которому Германия признала Советскую власть единственным правительством России. С Англией заключен торговый договор. С Турцией, Афганистаном, Персией тоже заключены договоры. С другими государствами ведутся переговоры. Блокады нет. Мы победили. Начинается понемногу торговля с заграницей. Внутри мы заняты хозяйственным строительством.

А как же обстоят дела за границей?

За границей 3 года назад побили немцев, а мира-то до сих пор нет. Никак не могут победители поделить добычу. Того и гляди передерутся.

Армии не распускаются; строят новые броненосцы; тратят на это безумные деньги. Откуда их взять? С буржуазии? Нет, буржуазия стоит у власти, чего же ей с самой себя брать! Посредством увеличения налогов и всякими другими способами все эти расходы взыскиваются на трудящихся, и без того разоренных войной.

Трудящиеся отвечают забастовками, а кое-где и восстаниями.

И кипит классовая борьба, и разгорается ярче и ярче. Медленно развивается она, медленно—но верно.

Вот в какой обстановке собирается 3 съезд Коминтерна.

3. Нынешние враги Коминтерна.

Главный враг, конечно, буржуазия. Но на кого она опирается в своей борьбе с растущей революцией? Ведь ее мало. Трудящихся куда больше. Одна бы она не могла с ними справиться.

Как справился царь в 1905 и 1906 годах с революцией? Кто ее подавлял? Солдаты, то есть крестьяне, тогда еще несознательные, стреляли в своих же братьев-рабочих, когда те восставали против царя.

В своей борьбе против трудящихся буржуазия опирается не только на наемных шпионов, на своих упитанных барских сынков и офи-

церов, но и на несознательную часть самих трудящихся и на тех, которые называют себя социалистами, а на самом деле, как наши меньшевики и эсеры, играют на руку буржуазии.

Вот эти-то «социалисты» и сейчас за границей являются главной опорой буржуазии. Они ведут за собой отсталую часть трудящихся, и это-то и есть та сила, которая помогает буржуазии бороться с революцией. Эта сила именно тем и опасна, что состоит она из трудящихся же из социалистов.

И эта публика старается теперь объединиться в свой интернационал.

Русские меньшевики; та часть немецких независимцев, которая не примкнула к Коминтерну; четвертая часть французских социалистов и другие остатки и остаточки старых партий пытаются создать свой Интернационал. Какой же? Из 2-го они вышли—уж слишком дурно он пахнет! Слишком презирают его рабочие! А в третий их не пустили, потому что они не хотят принять его условий, то-есть не хотят вести прямой и решительной борьбы с буржуазией. Вот они и стараются теперь создать какой-то Интернационал номер 2^{1/2}, ни рыба ни мясо, интернационал недоносков, драблех, расхлябанных интеллигентов, интернационал полу-изменников, полу-глупцов.

Своей нерешительностью, трусливостью они, конечно, льют воду на мельницу буржуазии. В решительные моменты, когда нужно работать не резолюциями, а штыком, они путаются под ногами у трудящихся и мешают им бороться. От этого интернационала номер 2^{1/2}—тянутся многие нити к остаткам 2. А от 2—один шаг до буржуазии. Впрочем, незачем о них долго рассказывать: с ними вместе—наши меньшевики, а уж этот-то хлам вы, товарищи красноармейцы, хорошо знаете.

Вот с ними-то и приходится вести борьбу Коминтерну. Когда достаточное число иностранных рабочих уйдет из-под их влияния, тогда наступит час восстания. Помните, как у нас: октябрь пришел тогда, когда русские трудящиеся раскусили Керенских, когда русские рабочие, крестьяне и солдаты научились не верить эсерам и меньшевикам и презирать их ~~как~~ же, как ненавидеть буржуазию.

4. Какие вопросы будет обсуждать 3 съезд Коминтерна.

Самые важные вопросы вот какие:

Первый: как должны себя вести коммунистические партии разных стран до революции и после нее, когда в их руках будет власть? Тут, разумеется, многому может научить заграничных товарищей наша Р. К. П., которая делала немало ошибок, но которая на этих ошибках училась, партия, которая имеет за собой 20 лет дореволюционной борьбы и 3½ года стояния у власти, партия, которая вела и привела русских трудящихся к победе в гражданской войне, а теперь ведет их к победе над разрухой.

Второй вопрос: об Интернационале профсоюзов. Иностранные профсоюзы гораздо медленнее раскачиваются, чем партии. В профсоюзах за границы меньшевики свили себе довольно крепкое гнездо.

В прошлом году, на 2 съезде Коминтерна, присутствовавшие тут же представители профсоюзов разных стран образовали международный красный совет профсоюзов для борьбы с соглашательским интернационалом профсоюзов. За этот год к этому красному совету примкнули кое-какие профсоюзы. Так, в него вошли шотландские профсоюзы (Шотландия — часть Англии), затем союз сельских рабочих Чехо-Словакии (200 тысяч человек) и некоторые другие крупные союзы и много помельче. Вот 3 съезд и займется обсуждением того, как лучше всего вести борьбу с соглашательским интернационалом профсоюзов.

Третий вопрос: об интернационале кооперации. Трудящиеся боролись и борются с капиталом по трем путям: через свои партии, через проф-

союзы и через кооперацию. Когда и этот третий вид борьбы будет во всем мире объединен и руководиться из одного революционного, коммунистического центра, — тогда борьба классов разгорится по всему фронту.

Четвертый вопрос: о работе интернационала в угнетенных странах Востока, особенно в Азии. Это очень важный вопрос. В Азии есть два огромных угнетенных народа: индусы и китаецы. Их много, очень много. Вместе — около миллиарда. Миллиард — это тысяча миллионов населения. Значит, в Индии и Китае народу в восемь почти раз больше, чем в громадной России. И страны эти богатейшие, жаркие, плодородные. Богатства там такие, что весь мир ими прокормить и одеть можно. Но китаецы и индусы мрут с голода и ходят оборванными, потому что свой и иностранный капитал вытягивает из них все, все живые соки.

Вся эта уйма народу с великой и светлой надеждой тянется к советской России и к Коминтерну: в них видят поработенные народы эти своих вождей и избавителей. О том, как пробудить их, эти сотни миллионов рабов, как руководить ими в их борьбе против поработителей, — этим вопросом и займется 3 съезд.

Это — важнейшие вопросы съезда.

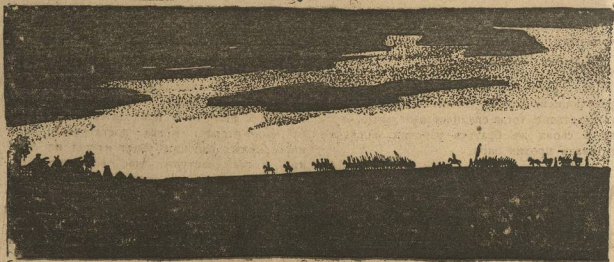
* * *

Вот что крепко-накрепко запомните, товарищи-красноармейцы.

От нас от первых зависит ускорить и облегчить ход мировой революции. Мы ее начали, мы поможем ее и закончить!

Ура Коммунистическому Интернационалу, боевому штабу рабоче-крестьянской революции!

Г. Бергман.

Санитарное просвещение в войсках.

ас Революция учит не удовлетворяться малым, не быть довольным тем, что достигнуто, а идти всегда вперед, с требовательной настойчивостью. В деле санитарного просвещения Красной армии мы тоже не можем быть довольны тем—немалым, правда—что уже сделано и преодолено.

Говоря откровенно, ослепляющие нас огромные цифры прочтенных в армии лекций, розданных брошюр и листовок не вполне отвечают действительным успехам санитарного просвещения. Не то, чтобы цифры были неверны—нет, но истинная ценность этих цифр при ближайшем ознакомлении оказывается очень преувеличенной.

Дело лекционное, как и дело снабжения армии санпросветительской литературой, имеет еще много слабых сторон и недостатков. Кое-что об этом мы и хотим отметить в настоящей заметке.

Прежде всего наша общая во всех областях беда: страшно мало людей, нет работников.

Даже вые врачи плохо справляются с санпросветработой, а уж о лекамах, большинство которых ротные, и говорить нечего. Так называемые «беседы» на санитарно-гигиенические темы, которые ведут лекамы в помещениях частей, сплошь и рядом сводятся в действительности к простому чтению вслух из брошюр. Вместо живого, увлекательного слова—мертвое, монотонное чтение, да притом еще без всяких наглядных пособий, без показа волшебного фонаря и пр.

Что же мудреного, что товарищи красноармейцы так туго ходят на лекции по санитарии и гигиене, так вяло и казенно слушают, так мало запоминают и предлагают вопросов? Нам известно немало случаев, когда приходилось приохочивать красноармейцев к посещению лекций такими недопустимыми, прямо развращающими мерами, как «задабривание» концертом или спектаклем, а иногда, в придачу, еще и раздача чаю с сахаром и белым хлебом, при чем это выдается лишь после окончания лекции, иначе все разойдется...

Повторяем, слабый интерес красноармейцев к указанным темам совершенно понятен: даже изустное, без книги чтение сухой, голой

лекции скучно и мертво. Тем более, что лектора часто не считают себя обязанными связать все изложение с валичными, действительными условиями жизни слушателей и рассказывают, например, по поводу борьбы с эпидемиями—о таких вещах и требованиях, которые заведомо и целиком неосуществимы в данной обстановке.

Но стоит только устроить лекцию с сопровождением каких-либо демонстраций—муляжей, слепков, моделей, а еще лучше потешных фонарей или хотя бы простых диаграмм, если только удастся достать это—и слушателей не узнать. Они не отрывают глаз и уха от лектора, они забрасывают его вопросами, требуют разъяснений и пр.

К сожалению, достать эти вещи нелегко, а раз добыв, трудно развезти по разным частям, например, по части одной и той же бригады или дивизии, расположенным в данном крае.

Но даже и без наглядных пособий можно все-таки разнообразить и оживить изложение. Лектора читают часто в виде простых уроков; если бы вместо этого лекция была прочитана в форме товарищеской беседы, с шуткой или анекдотом посредине, эффект был бы гораздо лучший. Далее, крайне важно разнообразить и самые темы лекций, а то лектора часто «танцуют от печки»: холера и тифы, сифилис и оспа—вот почти весь их репертуар. Между тем, как свежо могли бы проходить беседы о красном спорте, об охране труда, о проституции, об охране здоровья детей, о профессиональных болезнях и пр.

Выше мы упоминали о раздаче литературы. В этом отношении дело стоит еще более печально. Из-за острейшего бумажного кризиса литература эта попадает в части в ничтожном количестве и о раздаче вообще не может быть и речи: брошюры попадают в библиотеки. Листовки частью, правда, раздаются, плакаты же расклеиваются. Все это, раз будучи роздано или положено на библиотечную полку, или наклеено на стене, больше не существует для санпросветителей.

В библиотеках нет надлежащих руководителей, которые бы патакивали и читателя на ту или другую книжку, листовки тоже прочитываются без всякого руководства, несколько лучше обстоит дело с другими,

кроме лекций, формами санпросветительной пропаганды. Таковы митинги и санитарные примерные суды.

Что до митингов, то здесь интерес красноармейцев, естественно, гораздо живее, ибо тут есть обмен мнений, нечто в роде диспута, а не пассивное выслушивание одного человека. К тому же митинги соопождаются обычно музыкой, и это сильно поднимает настроение. Тут следовало бы только поставить за правило, чтобы санитарные митинги оставались именно санитарными и к ним не примешивали политических речей и выступлений.

И без того не легко наладить санитарный митинг, особенно в провинции, а тут еще политработники норовят снять, так сказать, сливки с внимания слушателей. Митинг открывается целым рядом политических выступлений, санитарная программа начинается уже в конце, когда внимание красноармейцев уже совершенно истощено и интерес ослабел до последней степени. Необходимо поэтому, чтобы санитарные митинги выдерживались именно в своем специальном духе и программе.

Прекрасной, но еще мало используемой на местах формой санитарной пропаганды и агитации являются суды. Предметом суда выбирается какое-нибудь прегрешение против санитарии, обвиняемым бывает красноармеец «Распутный» и заразивший сифилисом свою семью, или сиделка «Нерахина» или лекпом «Непутевый» и пр.

Эти примерные суды держат своих слушателей в крайней напряженном настроении, и тут агитационная задача достигается действительно полностью. Еще действительнее в этом отношении недавно появившиеся так называемые «санпросветительные» пьесы, но это уже громоздкая форма агитации, далеко не везде осуществляемая.

Но главная беда даже не в отсутствии людей или наглядных пособий, а в неправильном отношении к санитарно-просветительной работе. У нас до сих пор еще не прониклись убеждением, что в этой работе — единственный залог спасения армии. Лечи — болезни, когда они уже появились — это и трудно, и долго, и

невыгодно; гораздо лучше во всех отношениях предупреждать их появление, то-есть действовать путем гигиены, иначе говоря, профилактики. А при крайней нашей бедности в медикаменте, медицинском персонале, даже просто в грамотных и сознательных людях достичь этих предупредительных мер можно только и исключительно путем просвещения масс.

Сверху, одними распоряжениями врачей ничего не добьешься, и здоровье трудящихся есть дело самих трудящихся. А мы к вопросам санитарного просвещения относимся все еще как к чему то второстепенному. Без сведений по геологии, скажем, или по ботанике еще можно как-нибудь обойтись, но без знакомства с основными правилами, как сохранять свое и чужое здоровье, никакая нормальная жизнь ни в одиночку, ни в обществе немислима.

Если мы хотим покончить, наконец, с мрачным наследием прошлого — разрухой, голодом, сифилисом, страшным ростом туберкулеза, громадной смертностью детей, слабой производительностью работы взрослых,строй изнанишиваемостью наших работников, если мы хотим справиться с необозримыми историческими задачами, стоящими перед нашей страной, мы должны быть сильны, крепки, бодры, здоровы. А этого мы достигнем только общими усилиями, только самодеятельностью. Если же мы должны быть самодеятельны, пускать в ход свою собственную энергию и добрую волю, то без знакомства с телом и его потребностями не обойтись.

Командный состав, военкомы, комячейки, культурно-просветительные комиссии, санитарные тройки — все и все в воинских частях должны проникнуться высокой важностью санитарно-просветительной работы и, не ожидая почина врача или леккома, самим толкать вперед это дело, содействовать ему всчески.

Красная армия и в этом деле должна приводить в толщу населения здравые понятия и подготавливать более светлое, более достойное будущее — приближать к осуществлению социализма.

Врач Л. Васильев.

Кто за беспартийные советы.

Наша анкета.

Милюнов.

Вывози моя телега
Дарданеллы и Босфор,
Как в Швецию с разбегу
Я махну во весь опор.

Беспартийные советы
С лигой наций во главе?—
Да такого тур-де тэта
И не снилось Москве!

(Грозит пальцем октябристам,
меньшевикам и эс-эрам).
Вы, пенки, смирей сидите,
Мой совет пока таков:
К Мильерану не ходите...
Ниже росчерк:

Александр

Чернов.

Беспартийные советы?
Лучшей формы в мире нет,
Чтоб пройти переодетым
С беспартийными в совет!
С Учредилкой дело швах:
Провалилась... распускаю...
И пометил красным с краю
(Очевидно впопыхах):
«Распустить без лишних слов»...

Присядет В.И.К. Чернов.

Меньшевик.

Бородой клянусь Маркса —
В «Капитале» есть глава:
«Для сотрудничества классов»...
Ну и прочие слова...
Это значит, что в советах,
Чтоб в работе вышел прок,
И эсдеки и кадеты
Беспартийный строят блок.

Кулак.

Эфто?.. эфто мне по идраву, —
Гольтецу в бараний рог,
Большевицкую ораву
Всего б запрятали в острог.

В исполкоме б править стали
Кум, да я, да сват Андрон...
Две каракули поставил:

живоглотов Спиридон.

И не блок, а прямо кран!
Подпись:

Маршол Либурдан

Спекулант.

Без чеки и трибуна-
лов? —
Эта штука мне в пан-
дант.

*Падмурка: Овраков.
Кемпи Садимыт-Спекулянт.*

П о п.

Се, zelo велеречивое
И весьма мне по нутру:
Если—племя нечестивое
Вдруг исчезнет поутру,
Отменили ли бы гражданские
Запись браков и...крестин
И пояша б христианскую
Дань с российских палестин.

Литомия отсюда...

Бывший помещик.

Э! при этой кон'юнктуре
Я пришел бы в земотдел.
С мужика бы, сняв три шкуры,
Посадил бы на надел:
Вот так власть была б рабочая!—
Даже сплюнки каплю с губ...

Литомия отсюда...

Бывший генерал.

Если верить этой пер-
сии, и болтают мне не
зря —
То... при эдакой динер-
сии
Далеко ли до царя?

— Одобряю-с!

По писат:

Степанов - генерал

Бывший сановник.

(Туголат на ухо.)

Это сказано пре-
рестно,
Кхе!.— прелестно...
спору нет.
Я согласен... в то же
кресло...
В Государственный
Совет!

(По причине дракхлостности не распялся, писеман нафталином).

По поручению редакции собрал полковой переписчик
Кузьма Бессребренник.

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. Смирнову. Ваше стихотворение «В. И. Ленину» не пойдет. Написано тяжелой, неуклюжей прозой; рифма убога, а иногда и совсем отсутствует; приведем для примера несколько строк:

«Твою команду слышат всюду—капиталу
гибель, смерть врагам.
Да будут властвовать Советы в руках
рабочего труда.
Так веди ж, веди, — ведь мы с тобой
И все идем мы за тобой».

Тов. Б. Кисину. Стихи не пойдут, слабо. О конкурсе читайте объявление—в этом №-ре.

Тов. Трунову—кр-цу Красно-Гусарского кав. полка. Ваше стих. «Молодому коммунисту» написано правильно по технике, но нет того, что делает стихотворение ценным, т. е. художественной красоты. Поэзия—это образно выраженная мысль, чувство, настроение и т. д. Кроме того, ваши рифмы слишком элементарны, избиты; мы их перечислим все: вижу—ненавижу, себя—тебя, коммунизма—марксизма, прав—нрав, роды—свободы, их—своих. Нужно больше читать и учиться.

Тов. Ив. Супругову. Прежде чем начать писать стихи, нужно хорошо выучить грамоту,—это первое и самое главное условие ус-

пеха. Вы, очевидно, читали Никитинг, Сурикова и Кольцова и подражаете им, но неудачно. Только тогда, когда в ваших стихах не будет чужих строк и они будут не хуже стихов старых авторов, только тогда можно посылать их в печать. Приведем как пример плохого подражания первую строфу вашего стихотворения «Пахарь».

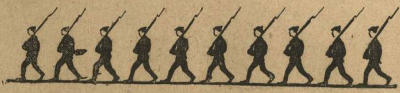
«На худой клячонке в поле
Мужичок седой,
Он шагает вслед за сохой
Свежей бороздой».

Тов. Аристову. Терская ст., Куб. обл. Плохо, товарищ, не пойдет.

Т. т. Брычеву, Итангулову, Скарлыцкову и Седельникову. Редакция с благодарностью принимает к сведению ваши указания.

Тов. Безбородову—больн. кр-цу 248 зв. госп., г. Сызрань. Ваше стихотворение—«Красной сестре»—написано слабо, напечатать нельзя, но редакция всецело присоединяется к вашей благодарности красным сестрам 248 зв. госпитали за усердную работу и теплое отношение к нашим больным воинам.

Тов. Белову. Стих. «Трудовые герои» будет напечатано в ближайшем номере.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
К. Хохлов. Москва. Стихотворение	3
А. Запольский. Без бога. Рассказ.	4
Роман. На часах. Стихотворение.	7
Н. Горлов. Наш путь.	8
Семен Родов. В полях. Стихотворение	10
Г. Бергман. Коммунистический Интернационал	11
„ 3-й Съезд Коммунистического Интернационала.	14
Врач Л. Вас—ий. Санитарное просвещение в войсках.	17
Кузьма Бессребреник. Кто за беспартийные Советы.	19
Почта красноармейца	22

Объявление.

Результаты конкурса „Красноармейца“.

Отдел Военной Литературы при РВСР объявляет результат конкурса на рассказы и стихи для журнала „Красноармеец“: „Вьюга“, рассказ Смирнова, удостоен третьей премии. „Без бога“, рассказ Запольского, удостоен похвального отзыва. Рассказы: „Как бабы коммуны устроили“ Добрянского, „Поэзия массового угара“ Семенова, „Один день“ Арк. Нежинцева, „В жгучем дыхании“ А. Запольского, приобретены редакцией.

Остальные рукописи, присланные на конкурс, считаются непринятными.

Да Здравствует
Союз
Крестьян и Рабочих